

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Формула *Знание = Опыт переживаний × Чуткость* изменила не только нашу массовую культуру, но и наше отношение к таким серьезным вещам, как война. На протяжении долгих веков люди, желая узнать, справедлива ли та или иная война, обращались за ответом к Богу, или к Писанию, или к королям, знати и священникам. Мало кто интересовался мнениями и переживаниями рядовых солдат или простых граждан. В центр своих повествований о войнах Гомер, Вергилий и Шекспир помещали императоров, полководцев, выдающихся героев и хотя не скрывали ужасов войны, но с лихвой перекрывали их героизмом и славой. Обычные солдаты появлялись лишь в виде груды тел, поверженных каким-нибудь Голиафом, либо в виде ликующей толпы, несущей на плечах победоносного Давида.

Иоганн Якоб Вальтер. «Битва при Брейтенфельде» (1631)

Посмотрите, например, на изображение битвы при Брейтенфельде, состоявшейся 17 сентября 1631 года. Художник Иоганн Якоб Вальтер* прославляет короля Густава-Адольфа Шведского, приведшего свою армию к убедительной победе. Густав-Адольф возвышается над полем сражения, подобно богу войны. Создается впечатление, будто король руководит войсками, как шахматист пешками. Сами пешки — преимущественно схематичные фигуры либо крошечные точки на заднем плане. Вальтеру не было интересно, что они чувствовали, когда шли в атаку или отступали, убивали или умирали. Они — безликая масса.

Даже когда художники концентрировались на самом сражении, а не военачальнике, они все равно смотрели на поле боя сверху вниз и гораздо больше внимания уделяли коллективным маневрам, чем индивидуальным чувствам. Взгляните на картину Питера Снайерса** «Битва на Белой горе».

На ней запечатлено знаменитое сражение, закончившееся победой католиков над мятежными еретиками-протестантами в ноябре 1620 года во время Тридцатилетней войны. Снайерс хотел увековечить эту викторию, скрупулезно воспроизведя все боевые порядки, маневры и передвижения войск. Вы легко можете распознать разные полки, их снаряжение и позиции в боевом построении. Куда меньше Снайерса заботили переживания и чувства простых солдат. Как и Иоганн Якоб Вальтер, он показывает нам битву с командного Олимпа богов и властителей, создавая у нас впечатление, будто война это гигантская шахматная партия.

Если вы рассмотрите детали — желательно с лупой, — то поймете, что «Битва на Белой горе» все же сложнее шахматной партии. То, что при беглом обзоре представляется геометрическими абстракциями, вблизи превращается в сцены кровавого побоища. Кое-где вы можете различить лица отдельных солдат,

* Вальтер, Иоганн Якоб (или Жан-Жак; 1600–1679) — немецкий художник.

** Снайерс, Питер (1599–1667) — фламандский художник-баталист.

Питер Снайерс. «Битва на Белой горе»

атакующих или убегаящих, стреляющих из ружей или пронзающих врагов копьями. Однако смысл этих сцен обуславливается их местом в целостной картине. Когда мы видим, как ядро разрывает солдата, то в нашем восприятии — это часть великого триумфа католицизма. Если солдат сражается на стороне протестантов, то его смерть — это кара за бунтарство и ересь. Если солдат сражается в рядах католиков, то его смерть — благородная жертва во имя правого дела. Высоко в небе над полем брани реют ангелы. Они держат белый стяг, надпись на котором на латыни объясняет, что это за сражение и почему оно было таким важным. Суть надписи в том, что 8 ноября 1620 года Бог помог императору Фердинанду II разбить своих врагов.

Тысячелетиями, когда люди видели войну, они видели прежде всего богов, императоров, военачальников и великих героев. Лишь в последние два столетия короли и военачальники были потеснены с подмостков, и луч софита осветил рядового солдата и его переживания. В военных романах, таких как «На Западном

фронте без перемен», и фильмах, таких как «Взвод»*, появляется юный новобранец, ничего не знающий о себе и о мире, но несущий тяжелое бремя надежд и иллюзий. Он верит, что война дело благородное, цель справедлива, а командир гениален. Несколько недель реальной войны, состоящей из грязи, крови и запаха смерти, разбивают все его иллюзии одну за другой. Если он остается в живых, то возвращается с войны более мудрым человеком, уже не верящим в клише и идеалы, которыми торгуют вразнос учителя, киношники и трепачи-политики.

Парадокс в том, что этот рассказ настолько повлиял на умы, что сегодня его вновь и вновь повторяют даже учителя, киношники и краснобаи-политики. «Война — это не то, что вы видите в кино!» — предупреждают голливудские блокбастеры вроде «Апокалипсиса сегодня»**, «Цельнометаллической оболочки»*** и «Черного ястреба»****. Заключенные в кадр, прозу или поэзию, чувства рядового пехотинца стали высшим военным авторитетом, который научились уважать все. Как в шутке: «Сколько нужно ветеранов вьетнамской войны, чтобы заменить перегоревшую лампочку?» — «Вам не понять, вас там не было»⁶.

Художники тоже утратили интерес к полководцам на жеребцах и тактическим построениям. Они стараются передать чувства простого солдата. Посмотрите еще раз на «Битву при Брейтенфельде» и «Битву на Белой горе». А теперь на две картины, признанные шедеврами военной живописи XX века, — «Войну» («Der Krieg») Отто Дикса и «Взгляд на две тысячи ярдов» Томаса Ли.

* «Взвод» («Platoon») — фильм режиссера и сценариста Оливера Стоуна о войне во Вьетнаме (1986), удостоенный четырех премий «Оскар».

** «Апокалипсис сегодня» («Apocalypse Now») — фильм Фрэнсиса Форда Coppola, построенный на теме войны во Вьетнаме (1979).

*** «Цельнометаллическая оболочка» («Full Metal Jacket») — кинофильм Стэнли Кубрика о войне во Вьетнаме (1987).

**** «Черный ястреб» («Black Hawk Down», 2001) — военная драма, основанная на реальных событиях сражения в Могадишо, снята по одноименной книге Марка Боудена (1999).

Отто Дикс. «Война» (1929–1932)

Томас Ли. «Взгляд на две тысячи ярдов» (1944)

Дикс служил сержантом в германской армии в Первую мировую. Ли освещал для журнала *Life* битву за Пелелиу (1944). Если Вальтер и Снайерс воспринимали войну как военный и политический феномен и хотели, чтобы мы узнали, как разворачивалась баталия, то Дикс и Ли воспринимали войну как эмоциональный феномен и хотели, чтобы мы узнали, каково ее чувствовать. Им не было дела до гения полководцев или тактических ухищрений того или иного боя. Солдат Дикса мог воевать при Вердене, или при Ипре, или на Сомме — не важно где, потому что война — это ад везде и всегда. Солдат Ли — американский джи-ай на Пелелиу, но вы увидели бы точно такой же «взгляд на две тысячи ярдов» и у японского солдата на Иводзиме, и у немецкого в Сталинграде, и у британского в Дюнкерке.

В картинах Дикса и Ли смысл войны не происходит из тактических перемещений или призывов свыше. Если хотите осмыслить войну, не смотрите ни на полководца на взгорке, ни на ангелов в небе. Посмотрите в глаза обыкновенных рядовых. На картине Ли в распахнутых глазах психически травмированного солдата вы прочтете жуткую правду войны. На картине Дикса эта правда почти невыносима, и над полем брани нет никаких ангелов — только гниющий труп, свисающий со сломанной балки.

Так художники, подобные Диксу и Ли, помогли разрушить традиционную иерархию войны. Многочисленные войны предшествующих эпох были не менее страшными, чем войны XX столетия. Однако вплоть до недавних времен даже самые чудовищные страдания людей на войне укладывались в более широкий контекст, придававший им смысл. Пусть война была адом, но она была и воротами в рай. Солдат-католик, проливавший кровь в битве на Белой горе, мог сказать себе: «Да, я страдаю. Но папа и император говорят, что мы бьемся за правое дело, значит, мои страдания не бессмысленны». Отто Дикс использовал противоположную логику. Единственным источником смысла он считал человеческие

переживания, и потому у него солдат рассуждал так: «Я страдаю — и это отвратительно — следовательно, война отвратительна. Если кайзер и духовенство все-таки поддерживают эту войну, значит, они не правы»⁷.

РАСКОЛ ГУМАНИЗМА

До сих пор мы обсуждали гуманизм так, как будто это единое гармоничное мировоззрение. На самом деле гуманизм разделил судьбу всякой успешной религии. По мере своего развития и распространения он распадался на несколько конфликтующих течений. Все эти течения считают, что человеческое переживание есть высший источник права и смысла, но толкуют человеческое переживание по-разному.

Гуманизм раскололся на три основные ветви. Ортодоксальная ветвь придерживается убеждения, что любой человек — это уникальная личность с особенным внутренним голосом и неповторимой гаммой переживаний. Каждый человек — уникальный луч света, освещающий мир под оригинальным углом, и это добавляет вселенной цвета, глубины и смысла. Поэтому мы обязаны предоставить каждому человеку максимальную свободу накапливать опыт, следовать своему внутреннему голосу и выражать свою внутреннюю правду. В политике, экономике, искусстве — свободная воля личности везде должна иметь больший вес, чем государственные интересы или религиозные доктрины. Чем свободнее индивиды, тем прекраснее, богаче и осмысленнее наш мир. Из-за этой сосредоточенности на свободе ортодоксальная ветвь гуманизма называется «либеральным* гуманизмом», или просто «либерализмом**».

* От лат. *liberalis* — свободный.

** В американской политике либерализм часто трактуется более узко и противопоставляется консерватизму. Однако в широком смысле слова большинство американских политиков — либералы. (Примеч. автора.)

Именно либеральная политика считает, что избиратель знает лучше, ему виднее. Именно либеральное искусство утверждает, что красота — в глазах смотрящего. Именно либеральная экономика стоит на том, что покупатель всегда прав. Именно либеральная этика советует: нравится — делай! Именно либеральное образование учит нас мыслить самостоятельно, поскольку все ответы можно найти в себе.

В XIX и XX веках, когда общественная значимость и политический вес гуманизма быстро росли, он дал два очень разных побега: социалистический гуманизм, вобравший в себя целый ряд социалистических и коммунистических движений, и эволюционный гуманизм, чьими самыми знаменитыми приверженцами были нацисты. Оба этих течения соглашались с либерализмом в том, что высшим источником смысла и права является человеческое переживание. Оба не верили ни в какую потустороннюю силу или божественный свод законов. Если бы вы, например, спросили Карла Маркса, почему нехорошо заставлять десятилетних детей работать на задымленных фабриках по двенадцать часов в день, он ответил бы, что детям это тяжело и они чувствуют себя от этого плохо. Мы должны избегать эксплуатации, угнетения и неравенства не потому, что так велел Бог, а потому, что от них страдают люди.

Однако и социалисты, и эволюционные гуманисты указывали на изъяны в либеральном понимании человеческого переживания. Либералы считают человеческое переживание индивидуальным феноменом. Но в мире огромное множество индивидов, и их чувства и желания часто несхожи, а иногда и противоположны. Если власть и смысл проистекают только из индивидуальных переживаний, как разрешать противоречия между очень разными желаниями?

15 июля 2015 года к канцлеру Германии Ангеле Меркель обратилась палестинская девочка, беженка из Ливана, чья семья искала пристанища в Германии, но оказалась перед лицом

неизбежной депортации. Девочка по имени Рим сказала Меркель на беглом немецком: «Это очень тяжело — наблюдать, как кто-то наслаждается жизнью, и понимать, что сам ты не можешь. Я не знаю, что будет со мной завтра». Меркель ответила, что «политика бывает жестокой», и объяснила, что в Ливане сотни тысяч палестинских беженцев и Германия не в состоянии принять их всех. Потрясенная этим строгим ответом, Рим расплакалась. Меркель потрепала огорченную девочку по плечу, но от своих слов не отступилась.

Общественность отреагировала: на Меркель посыпались обвинения в бессердечии и бесчувственности. Чтобы успокоить критиков, Меркель развернулась на сто восемьдесят градусов, и семья Рим получила убежище. В последующие месяцы Меркель распахнула дверь еще шире, приняв в Германии сотни тысяч беженцев. Но всем угодить невозможно. Вскоре она подверглась яростным нападкам за то, что поддалась сентиментальности и не проявила достаточной твердости. Многие немецкие родители испугались за своих детей, которым разворот Меркель грозил снижением уровня жизни и столкновением с гигантской волной исламизации. Почему они должны рисковать покоем и благополучием своих семей ради абсолютно чужих людей, наверняка даже не поддерживающих либеральные ценности? Обе стороны остро переживают сложившуюся ситуацию. Как разрешить противоречия между чувствами отчаявшихся беженцев и чувствами встревоженных, обеспокоенных немцев?⁸

Либералы вечно мучаются подобными противоречиями. Ни Локк, ни Джефферсон, ни Милль, ни их единомышленники не сумели обеспечить нас быстрым и простым решением подобных головоломок. Демократические выборы — не выход, потому что тогда возникает вопрос: кто должен голосовать — только граждане Германии или еще и миллионы африканцев и азиатов, желающих перебраться в Германию? Почему чувства одной группы должны цениться выше, чем чувства другой? Также

неприемлемо было бы решать арабо-израильский конфликт голосованием 8 миллионов израильтян и 350 миллионов граждан Лиги арабских государств. По очевидным причинам израильтяне вряд ли положились бы на результат такого плебисцита.

Человек признает итоги демократических выборов только тогда, когда у него есть что-то общее с большинством избирателей. Если опыт и переживания других избирателей мне чужды и если я уверен, что они не понимают моих чувств и пренебрегают моими жизненными интересами, то пусть против моего голоса будет хоть сто голосов, у меня абсолютно нет оснований принимать такой вердикт. Демократические выборы работают в тех обществах, которые изначально объединены чем-нибудь вроде религиозных верований или национальных мифов. Они являются способом преодоления трений между людьми, которые уже имеют общие взгляды на многое.

Поэтому в целом ряде случаев либерализм слился с вековыми чувствами племенной идентичности, породив современный национализм. Сегодня принято относить национализм к антилиберальным силам, но по крайней мере в XIX веке национализм был тесно связан с либерализмом. Либералы воспевают уникальные переживания отдельной личности. У каждой личности имеются свои особенные чувства, вкусы и влечения, которые он или она вправе свободно проявлять и испытывать, коль скоро эти чувства, вкусы и причуды не задевают кого-то еще. Подобным же образом националисты XIX века, такие как Джузеппе Мадзини, воспевали уникальность отдельных наций. Они делали упор на то, что люди многое переживают сообща. Вы не можете сами с собой танцевать польку и не можете в одиночку изобрести и сохранять немецкий язык. Используя слово, танец и кухню, каждая нация приучает своих представителей к специфическим переживаниям и воспитывает в них присущую только ей чуткость, чувствительность.